

действительно татищевский текст оказывается более кратким. Однако это еще не дает права говорить о сокращении одного памятника в другом. Подавляющее большинство данных, сообщаемых об этом периоде Иоакимовской летописью, не только не изложено подробнее в «легендарной части», но вообще в ней не содержится. Мы целиком согласны с С. К. Шамбинаго в том, что «баснословный колорит» начальной части Иоакимовской летописи «вполне подобен» «легендарной части» НПЛ.¹ Но этого обстоятельства, по нашему убеждению, совершенно недостаточно для того, чтобы считать их даже разными редакциями одного памятника, что, как кажется, имеет в виду С. К. Шамбинаго в другом месте своей работы.² В нашу задачу не входит решение вопроса о взаимоотношении этих двух произведений. После того как доказана независимость НПЛ от того памятника, который С. К. Шамбинаго считал ее «легендарной частью», все вопросы, связанные с этой последней, в том числе и взаимоотношение ее с другими памятниками, не имеют прямого отношения к НПЛ. Тем не менее, для исследователя самой летописи эти вопросы могут представлять известный интерес, так как памятник, о котором идет речь, входит в состав устойчивого литературного окружения НПЛ. Мы видели, что решение, предложенное С. К. Шамбинаго, не может быть признано убедительным. Хотя некоторое сходство содержания «легендарной части» с небольшой частью текста, напечатанного Татищевым, в ряде моментов имеется, текстуальных совпадений нет нигде. При этом следует иметь в виду, что Татищев, по его собственному признанию, приводит не весь текст своего памятника, а только то, что расходилось с данными Повести временных лет.³ Поэтому мы не имеем возможности судить с достаточной определенностью о памятнике в целом. Кроме того, оригинал рукописи, имевшийся у Татищева, был дефектным — в нем недоставало листов, о чем свидетельствует разрыв в тексте и приводимая Татищевым приписка на полях.⁴ Все это сильно затрудняет использование Иоакимовской летописи и заставляет делать выводы с большой осторожностью.⁵ Повидимому, исследование вопроса о взаимоотношении начальной части Иоакимовской летописи с другими, аналогичными по своему характеру памятниками требует привлечения возможно большего числа этих последних, и не позволяет ограничиться сравнением лишь с одним из них. Не исключено, что памятник, который С. К. Шамбинаго считал «легендарной частью» НПЛ, и начальная часть Иоакимовской летописи окажутся родственными по происхождению или даже двумя сильно отличающимися друг от друга редакциями одного памятника. Однако это уже совершенно особая тема.

Теперь нам остается рассмотреть отношение НПЛ к самой Иоакимовской летописи, т. е. проверить основной тезис С. К. Шамбинаго в его чистом виде, без тех промежуточных звеньев, которые оказались несостоятельными для его доказательства.

Первыми известиями НПЛ краткой редакции являются известия о событиях, связанных с введением христианства в Новгороде. Предпоследнее известие приведенной у Татищева части Иоакимовской летописи

¹ С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 265.

² Там же, стр. 262.

³ В. Н. Татищев, ук. соч., стр. 31.

⁴ Там же, стр. 35.

⁵ Не касаемся здесь вопроса о подлинности Иоакимовской летописи, так как считаем его решенным в положительном смысле. Список литературы по этому вопросу см. в работе: Н. Никольский. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректурное издание. СПб., 1906, стр. 74.